
Вторая жена императора.
Первую он не похоронил
Ливия Норвейн

Ливия Норвейн

Вторая жена императора. Первую он не похоронил

«Автор»
2026

Норвейн Л.

Вторая жена императора. Первую он не похоронил /
Л. Норвейн — «Автор», 2026

В день моей свадьбы мать покойной императрицы пожелала мне счастья и сказала, что у ее дочери до сих пор нет могилы. А ночью я услышала голос самой Селесты.Я согласилась стать женой Ренара Ардена ради спасения брата и возвращения отцовских владений. В нашем договоре не было ни слова о любви, но с каждым днем мне становилось все труднее помнить, что этот брак был всего лишь сделкой.Пока я училась быть счастливой рядом с мужем, в западном крыле дворца продолжали менять цветы в покоях умершей женщины. Ее тело хранилось в подземной усыпальнице, а душу удерживала древняя супружеская клятва.Оказалось, Ренар знал о моем наследственном даре задолго до свадьбы. Ему нужна была женщина, способная освободить Селесту, приняв на себя ее обязательства.Если первую императрицу похоронить, мой муж погибнет. Если я приму ее клятву, рискую разделить ее судьбу.Я обещала Селесте, что у нее будет могила. Но не обещала Ренару, что останусь его женой.

© Норвейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Белое золото 5
Глава 2. Дом, где не кончился траур 14
Глава 3. Почерк Селесты 22
Глава 4. Семь башен 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Ливия Норвейн
Вторая жена императора. Первую он не похоронил

Глава 1. Белое золото

В тюрьме Святого Орвена за чистую воду брали деньги. За право поговорить с заключенным без посторонних ушей — вдвое больше. Я отдала надзирателю три серебряные монеты и попросила принести горячего супа.

— С мясом? — уточнил он, пересчитывая серебро на ладони.

— Желательно.

— Еще половину серебряного.

В кошельке оставалось семь серебряных монет и немного меди. До родового поместья было два дня пути, а возница, привезший меня в столицу в долг, до сих пор ждал платы. Надзиратель отпер боковую дверь. Из коридора потянуло сырым камнем и кислым запахом мокрой шерсти.

Лукаса привели минут через десять. Брат похудел за те восемнадцать дней, что мы не виделись. На подбородке отросла светлая борода, одна щека была расцарапана. Заметив меня, он широко развел руки, словно встречал на пороге нашего дома.

— Ну как тебе столица, сестрица? Все такая же негостеприимная?

Я обняла его, потом усадила за стол. Надзиратель принес миску супа и два ломтя хлеба. За уплаченное серебро нам отвели двадцать минут без свидетелей. В щели под дверью виднелись сапоги стражника.

— Господин Рид отказался вести твое дело, — сказала я вполголоса. — Он вернул задаток. Остальные поверенные даже не приняли меня.

— Значит, добрались и до него.

— Он сказал, что тебя обвиняют в преступлении против безопасности империи. Почему?

— Понятия не имею.

— Ты проник в закрытый архив?

— Я работал в казначействе, Эли. Не в кухне. Мне полагалось видеть счета.

— Не все.

Лукас помолчал, потянулся за хлебом и отломил горбушку.

— Не все, — согласился он. — Но я не подделывал ни одной цифры. Клянусь тебе могилой отца. Восстановительные работы в северных провинциях оплачены трижды за последние два года. По крайней мере, так утверждали казначейские книги. Я запросил подтверждения с мест и обнаружил, что часть работ даже не начиналась. Хотел показать расхождения ревизору.

— И где теперь эти подтверждения?

— Забрали при обыске. Я успел переписать номера поручений, но лист с записями тоже нашли. Вряд ли от него что-нибудь осталось.

Об аресте Лукаса я узнала восемнадцать дней назад. В ту же ночь отправилась в Тальмир, взяв деньги, отложенные на починку крыши. С тех пор успела обойти три судебные канцелярии и выслушать достаточно соболезнований от бывших друзей семьи, чтобы больше не испытывать к ним теплых чувств. Сегодня утром дело брата передали особому императорскому суду. Заседание могло состояться через месяц, через год или вообще не состояться, пока обвиняемый был жив.

Отец при жизни знал половину столичных судей и умел заставить другую половину внимательно прочесть поданные бумаги. После его смерти выяснилось, что большинство знакомств держалось исключительно на должности, которой он лишился за год до кончины. Герцогское достоинство нам оставили. От него, впрочем, не было никакой пользы ни на рынке, ни у тюремных дверей.

— Я найду другого поверенного, — сказала я.

— На какие деньги?

— У меня есть некоторые сбережения.

— Не ври. Я сам вел наши счета до отъезда. Ты продала мамину брошь?

— Она никогда мне не нравилась.

— Элиана!

— Лукас, ешь. Суп остывает.

Мама подарила мне ту брошь на восемнадцатилетие. Золотую птичку с гранатовым глазом я надевала всякий раз, когда приезжала в столицу. Позавчера ювелир снял камень, взвесил золото и объявил, что птица изготовлена довольно неумело. Спорить я не стала.

— Уезжай домой, — сказал Лукас, доедая суп. — Они добьются, что ты останешься без гроша. Не ходи больше к людям, которые помнят фамилию отца. Я не знаю, кому можно доверять.

За дверью кашлянул надзиратель. Лукас сунул в карман второй ломоть хлеба, и я с трудом заставила себя не расплакаться. Он всегда был прожорливым. В детстве забирался ночью на кухню и таскал пироги, отчего наша старая кухарка сердито привязывала к ручке кладовой колокольчик. Теперь мой двадцатичетырехлетний брат прятал черствый хлеб на ужин.

— Я вернусь, — пообещала я, прежде чем его увели.

На улице моросил дождь. Я купила горсть жареных каштанов у тюремных ворот и отправилась к постоялому двору, где снимала комнату над конюшней.

Придворная карета поджидала меня у самого входа. Черная, с золотыми ободьями колес и гербом Арденов на дверце, она казалась нелепой среди телег, бочек и корыт с мутной водой. Возле нее стоял человек в темно-синем мундире.

— Госпожа Элиана Вейр?

Я кивнула.

— Его императорское величество желает вас видеть.

Я поперхнулась каштаном и сунула кулек в карман плаща.

— По какому делу?

— Мне не сообщили.

— Это связано с моим братом?

— Возможно, госпожа. Я уполномочен лишь доставить вас во дворец.

Он распахнул дверцу. Выглянувшая из окна хозяйка постоялого двора тут же скрылась за занавеской. Оставалось надеяться, что она не решит поднять плату за комнату человеку, которого удостоил внимания сам император.

Я села в карету. Во Дворце Черных башен я в последний раз была семь лет назад, когда отец еще служил при дворе. Мы пересекли Рыбный мост, проехали мимо собора и свернули на площадь. Над башнями дворца развевались черные знамена с золотыми соколами. Дождевые струи текли по каменным лицам святых, высеченным над арками.

В приемной мне предложили подождать. У камина спала старая серая собака. Она подняла голову, посмотрела на меня и со вздохом улеглась на другой бок. Я позавидовала ее спокойствию.

Из соседней комнаты вышел Грегор Ланн. Верховный канцлер почти не изменился с тех пор, как бывал у нас дома: та же аккуратная седая бородка, тяжелые веки, безукоризненно

чистые манжеты. В детстве он привозил мне засахаренные апельсиновые корки, а с отцом подолгу спорил о содержании северных крепостей.

— Герцогиня Вейр, — приветствовал он меня. — Жаль, что нам приходится встретиться при столь печальных обстоятельствах.

— Надеюсь, вы сможете их изменить, господин канцлер.

— Сложное дело. Ваш брат допустил серьезную неосторожность.

— Настолько серьезную, что ему отказывают в защите?

— Полагаю, вы получите ответы на некоторые вопросы. Прошу вас.

Он пропустил меня в кабинет.

Ренар Арден стоял у стола, изучая развернутую карту. Император оказался выше, чем запомнился мне по давнему приему: широкие плечи, темные волосы, небольшая отметина над левой бровью, которую граверы изображали на монетах гораздо внушительнее. На нем был темный камзол без орденов, поверх жилета проходила тонкая золотая цепочка.

— Ваше величество.

— Герцогиня. Садитесь, пожалуйста.

Он свернул карту и сам отодвинул для меня кресло. Канцлер сел сбоку от стола, положив перед собой папку с красной тесьмой. Я заметила на верхнем листе фамилию Лукаса.

— Мне известно, что вы пытаетесь добиться пересмотра дела брата, — начал император. — Господин Ланн предоставил ваши прошения.

— Я пытаюсь добиться рассмотрения дела. Пока его никто толком не рассмотрел.

— Ваш брат обвиняется в незаконном доступе к государственным документам, их подделке и намерении передать сведения посторонним лицам.

— Он собирался обратиться к ревизору казначейства.

— Если это подтвердится, соответствующие обвинения снимут. Я могу поручить проверку судьям, которые не зависят от казначейства.

— Буду вам благодарна, государь.

— Подождите с благодарностью. Северное поместье, мельница на Орве и часть виноградников были переданы короне два года назад. Вы хотите вернуть владения?

— Если для этого есть законные основания, разумеется.

Ренар выдержал небольшую паузу.

— Я намерен вступить в брак, госпожа Вейр. И хотел бы предложить его вам.

Канцлер тщательно совместил углы листов на столе. Я уставилась на золотую цепочку на груди императора, пытаясь понять, правильно ли расслышала его. Утром торговалась за кусок мяса в тюремной миске, а теперь сидела перед правителем семи провинций в платье с грязным пятном на подоле и выслушивала брачное предложение.

— Почему именно я?

— У вас подходящее происхождение и образование. Ваш отец принадлежал к старому роду, пользовавшемуся уважением в провинциях. Мне нужна супруга, не связанная обязательствами с нынешними придворными партиями.

— Мой отец умер в опале.

— Что не отменяет его заслуг.

Мне доводилось присутствовать при переговорах о приданом двух кузин. Там обсуждали доход с земель, обязательства перед младшими детьми, количество лошадей. Только никто прежде не включал в приданое свободу заключенного.

— Вы предлагаете освободить моего брата в обмен на мое согласие?

— Обеспечить ему справедливое разбирательство. Освобождать людей без суда я не вправе.

— А справедливое разбирательство, выходит, зависит от родственных связей?

Грегор Ланн пошевелился в кресле.

— Госпожа Вейр, вы разговариваете с императором.

— Именно поэтому я и надеюсь получить ответ.

Ренар положил ладонь на стол, останавливая канцлера.

— Я могу добиться того, в чем вам до сих пор отказывали. Но исход дела определят доказательства, а не наш возможный брак.

Я подумала о Лукасе, прячущем в карман хлеб. Потом об отце, который никогда не простил бы мне, если бы я согласилась на что-либо, не прочитав условий.

— Мне потребуется проект брачного соглашения.

Канцлер поднял брови. Император кивнул, как будто я попросила нечто совершенно естественное.

— Разумеется.

— И время для его изучения. Не здесь, не в присутствии ваших чиновников.

— Получите два дня.

Я встала, но тут вспомнила вопрос, который при других обстоятельствах постеснялась бы задать.

— Государь, какие отношения вы предполагаете между нами после свадьбы?

— Я готов обеспечить вам уважение, достойное вашего положения содержание и возможность заниматься тем, что вам интересно. Обещать чувства, которых пока не испытываю, было бы непорядочно. От вас я также не потребую подобных обещаний.

— А магическая коронация?

Отец рассказывал мне о двух церемониях императорского брака. Первая делала женщину законной супругой правителя, вторая связывала ее с древней короной. Подробностей я не знала. Ренар обменялся с канцлером коротким взглядом.

— Она состоится позже. Для нее требуется ваше отдельное согласие.

— В таком случае я хочу видеть это условие в договоре.

— Хорошо.

Он проводил меня до двери. Собака в приемной все еще спала у камина.

Следующие два дня я провела за изучением брачного договора. Канцлер прислал девятнадцать исписанных мелким почерком страниц и корзину провизии. Мне полагалось личное содержание, возвращалась часть отцовских земель, гарантировалась неприкосновенность моего имущества. В случае развода по взаимному согласию за мной сохранялось ежегодное содержание. О будущем Лукаса говорилось гораздо менее определенно.

Я переписала соответствующий пункт и потребовала, чтобы пересмотр дела начался до заключения брака. Еще настояла на праве посещать брата и вести переписку без разрешения придворной канцелярии. Отдельно в договоре оговорили, что без моего согласия проводить магическую коронацию нельзя.

К вечеру второго дня мне доставили исправленный договор. Вместе с ним пришло распоряжение о передаче дела Лукаса трем судьям провинциальных палат. Их имена я знала по отцовским разговорам, и ни один не состоял на службе в казначействе.

Я долго сидела у окна, рассматривая мокрые крыши соседних домов. Где-то за ними брат, вероятно, ждал вечерней переклички. Могла ли я отказаться? Конечно. В родовом поместье оставались моя спальня с выцветшими обоями, запущенный сад и три десятка людей, которым я каждый месяц платила жалованье, иногда занимая деньги у соседей. Но Лукас остался бы здесь, а за моей спиной закрылась бы единственная дверь, которую удалось открыть.

В конце концов я подписала договор. Поставила фамильную печать, у которой с одного края давно откололся кусочек герба, и отдала бумаги посыльному.

Лукасу о своем решении я сообщила лично. Он так громко выругался, что надзиратель заглянул в комнату, проверяя, не деремся ли мы.

— Ты совсем с ума сошла? — спросил брат, когда дверь снова закрылась. — С каких пор император женится на женщинах, чьих братьев держит в тюрьме?

— С ближайшей субботы, по-видимому.

— Элиана, я серьезно!

— Я тоже. Судьи уже назначены. Тебя должны перевести в другое отделение, где разрешены книги и прогулки во дворе.

— Я не хочу выходить отсюда такой ценой.

Он схватил меня за руку.

— Ты ему хоть нравишься?

— Откуда мне знать? Я видела его один раз.

— А тебе он?

— Он разговаривает лучше большинства мужчин, с которыми мне доводилось иметь дело.

— Великие боги, сестрица, этого недостаточно для свадьбы!

Я рассмеялась, хотя глаза защипало. Лукас потребовал обещать, что я не стану оставаться во дворце из-за него, если окажусь несчастна. Я обещала.

В субботу мне предстояло выйти замуж за императора. К свадьбе готовились с такой скоростью, словно придворные портные заранее знали мои мерки. Меня поселили в гостевом доме при дворце, приставили горничных и пожилую госпожу Тарен, отвечавшую за наряд. К пятнице мы справились даже с моими густыми волосами: заплели в широкую косу, уложили на затылке и украсили жемчужными нитями.

Император за эти дни прислал короткое письмо. Он сообщил, что пересмотр дела Лукаса начат, а мой имущественный договор внесен в государственный реестр. Внизу приписал собственной рукой: «Надеюсь, приготовления не слишком вас утомляют».

Я ответила, что чувствую себя прекрасно, если не считать четырех примерок за день. Получила записку, в которой Ренар выразил сожаление по поводу невозможности отменить хотя бы две. Это было первое проявление чувства юмора у моего будущего мужа. Я сохранила записку.

В день свадьбы Тальмир встретил нас холодным, ясным утром. Из открытых дверей дворцовой часовни доносилось пение хора. Когда я вышла из кареты, по площади прокатились приветственные возгласы.

У входа меня встретил Ренар. На нем был черный парадный камзол с золотым шитьем и широкая лента через плечо. Он протянул руку, заметил, как я пытаюсь высвободить шлейф из-под каблука, и подозвал пажа.

— Только не слишком быстро, — тихо предупредил он. — У нашего первосвященника больное бедро, а он непременно захочет обогнать нас у алтаря.

Его предупреждение меня рассмешило. Под сводами часовни стоял запах воска и можжевеловых веток. Среди гостей я узнала нескольких бывших сослуживцев отца. Они смотрели на меня с удивлением и плохо скрываемым любопытством.

Первосвященник действительно двигался медленно. Он прочел положенные молитвы, назвал наши полные имена и перечислил обязанности супругов согласно гражданскому закону Эрвена. Никаких магических формул в церемонии не было. Я внимательно следила за каждым словом. Когда пришло время дать ответ, произнесла его отчетливо и без запинки.

Ренар надел мне на палец золотое кольцо. Я сделала то же самое. Его рука оказалась теплой, пальцы — слегка шероховатыми. Я вспомнила, что до восшествия на престол он несколько лет провел в армии.

После благословения император склонился ко мне. Он коснулся губами моего виска, едва задев прядь волос, и отпустил мою ладонь лишь тогда, когда мы повернулись к собравшимся. Я стала женой Ренара Ардена.

В малой галерее придворные распорядители приготовили традиционные свадебные дары. После представителей провинций ко мне подошел хранитель императорской сокровищницы. На бархатной подушке лежало ожерелье из белого золота с продолговатым прозрачным камнем в центре.

— Из собрания супружеских регалий, ваше величество, — произнес хранитель. — Согласно обычаю их преподносят супруге государя в день заключения брака.

Я взглянула на Ренара. Он задержал взгляд на украшении, потом повернулся к Грегору Ланну, стоявшему за хранителем.

— Именно это?

— Оно значится первым в утвержденной описи, государь, — ответил канцлер. — Работа мастеров дома Арденов. Достойное украшение для вашей супруги.

Ренар помедлил.

— Если вам неудобно носить его сегодня, можете выбрать что-нибудь другое, — сказал он мне.

Ожерелье было изящным, гораздо легче многих украшений, которые госпожа Тарен приносила на примерку. Я не понимала причины его сомнений и решила, что императору не хочется нарушать мой выбор свадебного наряда.

— Оно прекрасно. Благодарю.

Хранитель передал подарок горничной, которая помогла мне застегнуть его. Центральный камень оказался неприятно холодным. Я машинально прижала к нему ладонь, и на мгновение пальцы закололо, как после долгого пребывания на морозе. Ощущение прошло почти сразу. Вокруг стояло слишком много людей, чтобы я могла спокойно разобраться, что случилось.

Праздничный обед растянулся до сумерек. Одна из придворных дам с учтивым удивлением выслушала мой рассказ о том, что образованием в нашей семье занимался отец.

— Герцог Вейр придерживался необычных взглядов на воспитание дочерей.

— Только одной дочери, госпожа. Остальных ему воспитывать не довелось.

Ренар прикрыл улыбку кубком.

— Вы нажили себе первого врага, — шепнул он, когда дама отошла. — Госпожа Брант убеждена, что женщинам достаточно знаний, позволяющих правильно распределять благотворительные пожертвования.

— Тогда мы не поладим.

Пока Ренар принимал поздравления, я заметила у колонны женщину в траурном платье. Она не пила, не разговаривала с гостями и смотрела прямо на меня. Я узнала Одетту Морвен, мать первой императрицы, и при первой возможности подошла к ней сама.

— Госпожа Морвен, благодарю вас за то, что пришли.

Она поклонилась, не сводя с меня глаз.

— Мне хотелось познакомиться с вами, государыня. Признаюсь, я не ожидала увидеть дочь герцога Вейра в этом качестве.

— Я сама до недавнего времени ничего подобного не ожидала.

Одетта чуть приподняла уголки губ. Затем ее внимание привлекло ожерелье.

— Позвольте взглянуть?

Я наклонилась. Она не стала прикасаться к украшению, только внимательно рассмотрела застежку и мелкие камни по краям центральной подвески.

— У моей дочери оно натирало шею, — сказала она. — Пришлось укоротить левую часть цепочки. Вон там до сих пор заметно место пайки.

Я подняла ожерелье и действительно обнаружила крошечную неровность на одном из звеньев.

— Простите. Мне не сказали, кому оно принадлежало. Я думала, это просто вещь из сокровищницы.

— Оно и есть вещь из сокровищницы. Теперь.

Мне стало неловко. При виде чужого траура обычно хочется сказать что-нибудь утешительное, но на собственной свадьбе, разговаривая с матерью умершей супруги своего мужа, я не могла подобрать ни одной подходящей фразы.

— Хотите, я верну его вам? — спросила я наконец.

— Это регалия, государыня. Я просила вернуть совсем другое.

— Что именно?

— Мою дочь.

— Я не знала, что император отказал вам в праве перенести останки в семейную усыпальницу.

— У Селесты нет могилы, государыня. Ее до сих пор не похоронили.

К нам подошел Ренар. Одетта сделала положенный реверанс.

— Государь. Поздравляю вас со вступлением в брак.

— Благодарю, герцогиня.

Между ними повисло неловкое молчание. Я заметила, что император не протянул ей руки, а она не собиралась задерживаться рядом с нами.

— Надеюсь, ваша супруга будет счастлива, — сказала Одетта и, поклонившись мне, ушла.

Я смотрела ей вслед, пока ее темная фигура не затерялась среди гостей.

— Что она имела в виду? — спросила я.

Ренар не стал делать вид, будто не понимает вопроса.

— Полагаю, речь шла о Селесте.

— Ее мать сказала, что она не похоронена.

— Это давний спор между нами. В нем есть обстоятельства, о которых вам пока неизвестно.

— Какие обстоятельства могут три года мешать похоронам?

Он бросил взгляд в сторону приближавшихся придворных.

— Не здесь, Элиана. Пожалуйста.

Это был первый раз, когда он назвал меня по имени. Я согласилась отложить разговор, хотя радость, которую успела почувствовать во время церемонии, заметно померкла.

Ближе к полуночи гости наконец разошлись. Госпожа Тарен помогла мне освободиться от свадебного платья, извлекла шпильки из волос и оставила одну в просторной спальне с окнами, выходившими во внутренний двор. Я переоделась в длинную сорочку и халат, села перед зеркалом.

Ожерелье все еще было на мне. Я попросила госпожу Тарен оставить его: после разговора с Одеттой мне хотелось рассмотреть украшение внимательнее.

Я взяла центральную подвеску между большим и указательным пальцами. Прозрачный камень при свете свечей отливал едва заметным зеленоватым оттенком. Такие камни иногда применяли для закрепления магических обязательств. Отец показывал мне похожие образцы, когда объяснял устройство старых договорных печатей.

Я осторожно проверила, не осталось ли в украшении следов какой-нибудь клятвы. В пальцах сразу отозвалось знакомое покалывание. Подобное ощущение возникало у меня всякий раз, когда попадался предмет, связанный с незавершенным обязательством. Обычно это было не сильнее ощущения от прикосновения к холодному металлу. Сейчас же онемение быстро распространилось до запястья.

— Сними его. Пока он не сделал с тобой то же, что со мной.

Я обернулась. Дверь была закрыта. У камина стояло пустое кресло, за ним висел гобелен с изображением цветущего сада. В комнате никого не было. Голос был женский, негромкий, чуть хрипловатый.

— Кто вы?

Ответа не было. Я снова коснулась камня, и в пальце кольнуло, словно под кожу вошла игла. Пришлось встать и подойти ближе к свече, чтобы справиться с застежкой. Металл скользил в онемевших пальцах. Наконец цепочка поддалась, и я положила ожерелье на столик.

Иногда души умерших оставались связанными с предметами, через которые были приняты незавершенные магические клятвы. Вейры умели распознавать такие связи. Мне доводилось чувствовать их остатки на старых печатях, но голоса я никогда не слышала так ясно. Отец учил меня прекращать контакт, если я не понимала его природы. Я последовала этому правилу и отодвинула ожерелье подальше.

Вскоре постучали. Я поспешно запахнула халат.

— Войдите.

Ренар появился без парадного камзола, в белой рубашке и темных брюках. Он снял ордена, но тонкая золотая цепочка по-прежнему была на шее. Вблизи я заметила небольшой медальон, скрывавшийся под расстегнутым воротом. Он заметил мое состояние и подошел ближе.

— Вам плохо?

— Все в порядке. Устала немного.

Он налил мне воды. Я приняла стакан обеими руками. Чувствительность постепенно возвращалась к пальцам.

— Ренар, откуда взялось это ожерелье?

Он посмотрел на столик.

— Из старой императорской сокровищницы. Оно принадлежало нескольким поколениям нашей семьи.

— И вашей первой жене?

— Да. Селеста носила его после коронации.

— В камне есть магия?

Император поставил кувшин на место.

— Во многих регалиях сохранились следы старых обрядов. Если украшение вызывает у вас неприятные ощущения, не носите его. Я велю подобрать другое.

Он уже собирался что-то добавить, когда в дверь снова постучали, гораздо настойчивее прежнего.

— Государь, прошу простить, — раздался мужской голос. — Госпожа Ресс просит вас прийти. Она сказала, что дело не терпит отлагательства.

— Пусть подождет в приемной.

— Она в западном крыле, ваше величество.

Ренар нахмурился.

— Мне нужно ненадолго отлучиться. Не ждите меня, если захотите спать.

— Кто такая госпожа Ресс?

— Придворная целительница.

— Кто-то заболел?

— Ничего, что должно вас тревожить.

Он надел камзол, который ему передал вошедший слуга, и направился к двери. На пороге остановился.

— Сегодня вам пришлось многое пережить. Отдохните. Завтра поговорим обо всем, о чем вы захотите.

Я кивнула. Он ушел, и через минуту шаги затихли в коридоре.

Я раздвинула шторы. Внизу фонари освещали крытую галерею, соединявшую центральную часть дворца с западным крылом. Там появился Ренар в сопровождении слуги с лампой. У массивной двери император достал из кармана связку ключей, отпер замок и вошел. Слуга остался снаружи. Я вернулась к туалетному столику. Среди гребней и коробочек с пудрой ожерелье выглядело совершенно безобидным. Я взяла пустую шкатулку, осторожно переложила в нее ожерелье, не касаясь камня, и заперла крышку. Я оставила свечу гореть.

До сегодняшнего дня я знала о первой жене Ренара лишь то, что знала вся империя: Селеста Морвен умерла три года назад, защищая северную крепость Вальден. По всей стране тогда служили поминальные службы, а на воротах нашего поместья целый месяц висели траурные ленты.

Траур давно закончился. А Селеста все еще оставалась во дворце, куда меня сегодня привезли в качестве второй жены императора.

Глава 2. Дом, где не кончился траур

Меня разбудил звон колокольчика, и спросонья я решила, что у нас дома опять не пришла помощница кухарки. Хотела встать, чтобы отнести ключи от кладовой, но наткнулась ногой на незнакомую скамеечку у кровати и только тогда вспомнила, где находилась.

Колокольчик звонил во дворе. За окнами разгружали телеги с дровами. Рядом с кроватью стояло кресло, на спинке которого висел халат императора. Самого Ренара в спальне не было. Прежде чем позвать горничную, я убедилась, что ожерелье по-прежнему в шкатулке, и заперла крышку.

Вошедшая горничная сообщила, что государь уже в своем кабинете и просил подать мне завтрак, как только я проснусь. Девушку звали Ниной. Она была совсем молоденькой, с веснушками на переносице, и не знала, во сколько император вернулся ночью.

Пока Нина укладывала мне волосы, я спросила, кто ведал дворцовым хозяйством. Выяснилось, что до вчерашнего дня этим занималась госпожа Тарен, а теперь часть обязанностей переходила ко мне. Предстояло утвердить штат личных слуг, распорядок приемов, расходы на содержание жилых помещений и еще многое, о чем я не подумала, подписывая брачный договор.

Госпожа Тарен явилась как раз тогда, когда мне принесли чай. За ней шла женщина лет сорока с небольшим, одетая в коричневое платье с узкими рукавами. На поясе у нее висел кожаный футляр для ножниц, а седые пряди у висков были аккуратно приглажены водой.

— Государыня, я привела Агату Сорель, — сообщила управляющая. — Она просит позволения занять должность вашей старшей камеристки. Полагаю, вам стоит поговорить с ней лично.

Я предложила обеим женщинам сесть, но только Агата воспользовалась приглашением.

— Вы давно служите во дворце?

— С одиннадцати лет, государыня. Последние одиннадцать лет состояла при покоях ее величества Селесты.

— Даже после ее смерти?

— Да.

— В распоряжении госпожи Сорель до сих пор находятся вещи покойной императрицы, — объяснила управляющая. — Предполагалось, что их передадут семье или в сокровищницу, но распоряжения государя так и не последовало.

— А почему вы сами захотели перейти ко мне на службу? — спросила я Агату.

— Мне сорок три года, государыня. Я привыкла заботиться о хозяйке, а не о ее пустых комнатах.

Мне понравилось, что женщина не стала рассказывать, как мечтала прислуживать мне с первого взгляда. Я согласилась принять ее на испытательный срок, и Агата спросила, когда ей приступить к обязанностям.

— Сейчас, если вам удобно. После завтрака покажете мне дворец.

Госпожа Тарен оставила на столе список посетителей, которых полагалось принять в ближайшее время. Первой значилась супруга наместника Южной провинции, второй — председательница попечительского общества столичных сиротских домов. Еще вчера я надеялась поспать до полудня, а теперь у меня было девять встреч до конца недели.

Агата предложила сохранить прежний распорядок приемов, чтобы освободить три будних дня. Я согласилась и попросила найти человека, который сможет отнести личное письмо Лукасу, минуя придворную канцелярию.

Дворец я обходила до полудня. Отдельные лестницы служили для доставки еды, топлива и белья. На верхних этажах помещались комнаты придворных, внизу — мастерские и кладо-

вые. Агата показала мне, где держали запасные ключи и в какой части дворца можно было без труда найти нужного слугу.

Из парадной части мы попали в небольшой зал с портретами императорских супруг. Мужчины изображались преимущественно в доспехах или парадных мундирах, женщины — с книгами, цветами, детьми, музыкальными инструментами. С последнего полотна на меня смотрела стройная светловолосая дама в зеленом бархатном платье. Художник написал ее сидящей возле окна. На подоконнике стоял горшок с розмарином, а на коленях у женщины лежала раскрытая книга, которую она придерживала пальцем, словно собиралась вернуться к чтению.

— Селеста, — сказала я.

— Да. Портрет написали за полгода до ее смерти. Она была им недовольна.

— Почему?

— Художник поленился написать собаку. Ее пришлось бы целый день удерживать возле кресла. Он пообещал добавить собаку позже и забыл.

Я еще раз посмотрела на портрет. У Селесты был длинный прямой нос, тонкие брови и спокойное, чуть насмешливое выражение лица. Мы совсем не походили друг на друга. Это открытие почему-то принесло мне облегчение.

— Вы ее любили, Агата?

— У нас было достаточно разногласий, чтобы успеть привязаться друг к другу.

Мы прошли дальше. В конце галереи находилась дверь, которую я видела ночью из окна спальни. С этой стороны она выглядела обыкновенной, дубовой, с железной ручкой. Возле нее дежурил стражник.

— Можем посмотреть покои Селесты? — спросила я.

Агата замялась, и стражник, услышав наш разговор, встал ровнее.

— Прошу прощения, государыня. Для прохода требуется письменное дозволение его величества. Госпожа Сорель и ее помощницы имеют разрешение на уход за имуществом.

— Даже для меня?

— Я лишь исполняю приказ, государыня.

Спорить со стражником не имело смысла: приказ отдавал Ренар.

Агата подозвала из соседнего коридора двух девушек с корзиной белья. Одна несла ключи от покоев. Одна несла охапку белых гвоздик. Когда дверь открылась, мне удалось разглядеть широкое окно и темный ковер на полу. Девушки вошли, после чего стражник снова запер дверь.

— Как часто вы меняете цветы? — спросила я.

— Когда вянут. Летом беру в саду, зимой заказываю у садовника из оранжереи.

— По распоряжению императора?

— Нет. Из денег, отпускаемых на содержание комнат. Ее величество любила свежие цветы.

Агата произнесла это таким тоном, каким я сама разговаривала с человеком, однажды предложившим вырубить старые липы возле могилы отца. Больше я ничего не спросила.

Вернувшись к себе, я велела принести книги дворцовых расходов. В родовом поместье мне доводилось считать каждый мешок муки, здесь же на одни только носовые платки для придворных лакеев ежегодно уходило столько полотна, что его хватило бы на одежду всем детям в нашей деревне.

К середине дня я добралась до расходов на западное крыло: жалованье камеристок, уборка, ремонт кровли, корм для старой собаки.

На следующей странице значились расходы, не имевшие отношения к содержанию жилых покоев. Каждые девять дней дворцовый казначей оплачивал доставку белой соли, очищенного особым способом серебра и настоя горной вербены. Деньги получала Матильда Ресс, та самая

женщина, которая вызвала императора среди ночи. С конца лета закупки стали обходиться казне значительно дороже.

— Агата, вы не знаете, зачем госпоже Ресс столько серебра?

— Она сама утверждает эти счета, государыня.

— Но почему они записаны в расходы западных покоев?

— Госпожа Ресс лечила ее величество.

— Три года назад, насколько я понимаю, это занятие закончилось.

Камеристка сняла с пальца наперсток, покрутила его и снова надела.

— Вам лучше спросить у нее самой.

Я выписала на отдельный лист несколько сумм и попросила Агату устроить мне встречу с целительницей.

За обедом Ренар появился неожиданно. Я собиралась есть одна и уже успела налить себе вина, когда он вошел в малую столовую, на ходу расстегивая манжету.

— Мне сказали, что вы занялись счетами. Не слишком утомительное занятие для первого дня после свадьбы?

— Напротив. Я гораздо меньше устаю от цифр, чем от людей, которые стараются мне понравиться.

Он сел напротив. Сегодня император выглядел так, словно спал не больше моего.

— Вам удалось отдохнуть? — спросила я.

— Несколько часов. Я вернулся поздно, вы уже спали. Не хотел вас будить.

За обедом Ренар сообщил, что судьи намерены допросить Лукаса на этой неделе. Я поблагодарила его за известие. Потом, дождавшись, когда нас оставят одних, положила рядом с тарелкой листок с выписанными расходами.

— Агата показала мне портрет вашей первой супруги. Я хотела бы осмотреть ее комнаты, но стража меня не пропустила.

— Я распоряжусь насчет стражи. Только попрошу ничего там не трогать без ведома Агаты.

Он прочел мой листок и отложил его.

— Вряд ли вы сумеете существенно сократить эти расходы.

— Я не говорила о сокращении. Хочу понять, за что мы платим. Почему у госпожи Ресс осталась работа в западном крыле?

— При Селесте существовали некоторые особые обстоятельства, связанные с ее положением. Они сохранились и после ее смерти.

— Вы обещали, что мы сможем поговорить о том, что меня интересует. Тогда объясните, пожалуйста, почему госпоже Морвен не отдают тело дочери.

— Потому что погребение сейчас невозможно.

— Из-за магии вашей короны?

Ренар кивнул. Отец всю жизнь изучал обязательства, сохранявшие силу даже после смерти одного из участников, и я знала, что такие случаи бывали.

— Вы не смогли завершить клятву, — догадалась я. — Она осталась действовать после смерти императрицы.

— Именно так.

Мне вспомнился вчерашний голос. Ожерелье могло оказаться частью действующего магического договора, и тогда мне стоило выяснить, насколько близко я подошла к чужой связи.

— Я хочу знать, какое отношение это имеет к нашей будущей коронации.

— Прямого отношения к нашему гражданскому браку это не имеет. Что касается коронации, ее невозможно провести, пока прежняя клятва не будет завершена. Вы об этом узнаете прежде, чем мы назначим церемонию.

— А до тех пор мне следует молчать, если ко мне обратится госпожа Морвен?

— Прошу вас не давать ей обещаний от моего имени.

— Я уже поняла, что вы не можете вернуть ей дочь. Но хотелось бы знать причину.

Ренар дождался, пока лакей сменит тарелки и уйдет.

— Вы хотели познакомиться с госпожой Ресс? Я устрою вам встречу. Полагаю, будет проще, если она покажет вам то, о чем мы сейчас говорим. Предпочел бы, однако, присутствовать при этом сам.

После обеда я написала Лукасу о предстоящем допросе. Упоминать ожерелье и разговор с Одеттой не стала. От брата пришло бы длинное письмо, полное ругательств и советов немедленно забраться в первую попавшуюся карету.

К вечеру Агата принесла записку от Матильды Ресс. Целительница приглашала меня в свои рабочие комнаты в западном крыле. Я взяла шкатулку с ожерельем и отправилась туда в сопровождении камеристки.

Теперь у стражника было разрешение впустить меня. Когда Агата отперла жилые покои Селесты, я машинально остановилась на пороге, словно пришла в гости к незнакомой женщине и должна была дождаться приглашения.

В гостиной горел небольшой огонь. Белые гвоздики, которые утром принесли девушки, стояли в керамической вазе. Возле камина лежало незаконченное шитье. На столике сохранилась отметина от чернильницы, а под креслом стояли домашние туфли с примятыми задниками.

— Вы не убрали даже обувь?

— Его величество просил не выносить из комнат ничего, что могло бы иметь отношение к коронации. Поначалу я боялась ошибиться. Госпожа Ресс осмотрела самые важные предметы, но остальные вещи так и остались на местах.

— А платье с этой спинки стула?

— Платье я убрала бы еще три года назад, если бы хотела, государыня.

Она подошла к креслу и поправила рукав светло-зеленого платья. Ткань на сгибе уже выцвела. Вероятно, Агата знала, что платье не имело никакого магического значения, но я не стала ее убеждать расстаться с ним. После смерти отца его домашняя куртка почти полгода висела на крючке у дверей библиотеки. Я сняла ее только тогда, когда заметила, что Лукас начал обходить комнату стороной.

— Здесь была собака, которую не нарисовали на портрете? — спросила я.

— Барон. Ее величество подобрала его возле дворцовых конюшен. После ее смерти он несколько недель лежал у этой двери, а потом его забрал государь. Теперь пес стар, не слышит на одно ухо и ест гораздо больше, чем следует.

На столике у окна лежала раскрытая книга с выцветшей лентой между страницами. Я не решилась ее тронуть. Слишком многое здесь напоминало комнату, из которой хозяйка вышла всего на несколько минут.

В соседнем коридоре нас встретила Матильда Ресс, невысокая крепкая женщина с седыми волосами, собранными в тугой узел, и очками в тонкой оправе. Она пригласила меня в комнату с широким рабочим столом. На стенах висели связки сухих трав, в стеклянных сосудах стояли порошки разных цветов. Все было подписано, даже маленькая жестяная коробочка с булавками. Я поставила шкатулку на стол и открыла крышку. Целительница сразу узнала ожерелье.

— Боги милосердные! Кто вам его выдал?

— Хранитель сокровищницы. Господин канцлер подтвердил, что украшение стоит первым в описи свадебных даров.

Надев плотные полотняные рукавицы, Матильда приподняла подвеску за цепочку.

— Я просила держать эти вещи отдельно. Ожерелье и два браслета участвовали в магической коронации Селесты. После смерти ее величества их сняли и убрали в сокровищницу. Медальон государя принадлежит к тому же комплекту. Государь может снять его с шеи, но разорвать связь между ним и медальоном, пока клятва действует, невозможно.

— Что могло произойти, когда я надела ожерелье?

— Человек без дара проводника, скорее всего, ничего не почувствовал бы. Но я знаю, что в вашем роду встречается этот дар.

— Мой отец обучал меня распознавать незавершенные клятвы. Я почувствовала связь и услышала голос.

Матильда опустила ожерелье обратно в шкатулку.

— Что вам сказали?

— Предостерегли. Посоветовали снять украшение.

Я предпочла не пересказывать остальное. Целительница не стала настаивать.

— Ваш отец когда-то объяснял мне, как проводники устанавливают связь с умершими. Не думала, что мне доведется увидеть это на собственном опыте. Очень основательный был человек. Если принимался объяснять формулу, не успокаивался, пока собеседник не разбирался во всех ее подробностях.

Отец и в самом деле мог потратить целый вечер на объяснение одной строчки древнего текста. Я улыбнулась, вспомнив его терпение.

— Вы понимаете, госпожа Ресс, что это украшение не должно было попасть ко мне в таком состоянии?

— Понимаю. Я поговорю с хранителем.

— И с канцлером, если потребуется. У меня он не спрашивал, хочу ли я прикасаться к действующей клятве.

— Государыня, его величество распорядился, чтобы я показала вам усыпальницу, но хотел присутствовать. До его прихода я могу объяснить вам некоторые вещи.

Матильда взяла лист бумаги и нарисовала два круга, соединенные линиями.

— Вы, вероятно, знаете, что происходит во время магической коронации супруги государя. Оба участника получают доступ к общей силе. Когда один из них умирает обычной смертью, связь прекращается. Однако в момент гибели ее величества через эту связь проходило огромное количество энергии. Один из участников умер, но сила продолжала идти по контуру. Клятва не успела завершиться.

— А второй участник остался жив.

— На несколько часов, как мы тогда полагали. Без удерживающего контура незавершенная связь отдала бы остаточную силу единственному живому участнику. Государь не пережил бы такого выброса. Именно поэтому погребение до расторжения союза невозможно. К счастью, в старой дворцовой усыпальнице сохранился камень, предназначенный для удержания незавершенных клятв. Он и позволяет государю жить все эти годы.

— Я читала о подобных камнях. Только там утверждалось, что они сохраняют связь не более нескольких месяцев.

— Если оставить камень без ухода, так и будет.

Теперь мне стали понятны странные расходы. Белая соль использовалась для восстановления магических контуров, серебро служило проводником силы. Количество требовавшихся материалов росло, и я спросила Матильду о причине.

— Камню четыреста лет. Вчера на одном из серебряных контуров образовалась трещина. Поэтому я и вызвала государя.

В коридоре послышался голос Ренара. Он вошел в рабочую комнату в сопровождении начальника стражи, которого я видела на свадьбе.

— Надеюсь, я не заставил вас долго ждать.

Матильда сообщила ему, что успела рассказать мне о погребальном камне. Император велел начальнику стражи остаться в коридоре, и мы спустились по винтовой лестнице. У ее подножия Ренар отпер еще одну дверь и пропустил нас внутрь.

Сначала я увидела длинный рабочий стол с серебряными полосками, щипцами и чашей с белым порошком. Над столом висела лампа с круглым отражателем, освещая исцарапанную каменную поверхность пола. За столом, на белой каменной плите, лежала Селеста.

Ее светлые волосы были заплетены в косу, руки сложены на груди. Простое белое платье закрывало ее ноги до щиколоток. Внешне она почти ничем не отличалась от женщины на портрете в галерее, только лицо казалось тоньше, а кожа приобрела восковую бледность.

Три года. Я пыталась представить себе, сколько времени прошло с тех пор, как в нашем поместье повесили траурные ленты. За эти годы Лукас окончил обучение, умер мой отец, мы продали часть имущества. А здесь Селеста лежала в том самом платье, в котором ее, вероятно, собирались похоронить.

— Можете подойти, — сказала Матильда. — Только не наступайте на серебряные линии.

Вокруг плиты по полу расходились узкие полоски металла. Две из них уходили под основание камня, остальные образовывали замкнутый контур. Возле одного из соединений серебро было свежее, ярче остальных. Я приблизилась к плите и остановилась на расстоянии вытянутой руки от покойной.

— Она умерла в этом дворце?

— Да, — ответил Ренар. — Во время осады Вальдена. Управлять общей защитой можно из столицы, поэтому Селеста оставалась здесь, как и я.

— Я помню сообщения об осаде. Тогда писали, что она погибла, поддерживая защиту крепости.

— Так и было.

Мне было трудно смотреть на ее лицо и верить, что она действительно умерла. Матильда, заметив мои сомнения, объяснила, что погребальный камень сохраняет тело, поскольку оно остается частью незавершенной связи.

Ренар стоял у рабочего стола. Не знаю, сколько раз ему доводилось спускаться сюда за минувшие годы. Вблизи покойной он казался гораздо старше, чем в день нашей свадьбы.

— Я слышала женский голос, когда надела ожерелье, — призналась я, обращаясь к нему. — Теперь мне кажется, что он принадлежал Селесте.

Ренар быстро поднял голову.

— Вы можете с ней поговорить?

— Не знаю. Прежде мне доводилось распознавать незавершенные обязательства, но ни разу не приходилось разговаривать с человеком, умершим несколько лет назад. Вчера я испугалась и прервала контакт.

Ренар провел ладонью по лицу. Я ожидала, что он попросит немедленно вызвать Селесту, но он спросил совсем другое:

— Это причиняет вам боль?

— Иногда. Вчера онемела рука. Утром все прошло.

— Тогда не делайте этого, пока не будете уверены в своих силах.

Матильда поставила лампу на стол. Я услышала, как она открыла один из ящиков и принялась перебирать инструменты, давая нам возможность поговорить.

— Ренар, вы ведь знали, что мой отец принадлежал к роду проводников?

— Знал. Он служил при дворе много лет.

— Вы рассчитывали, что я унаследовала его способности?

— Я надеялся, что ваше образование позволит найти выход из сложившегося положения. Не был уверен, что вы способны услышать саму Селесту.

Его ответ мне не понравился. Он объяснял слишком многое и в то же время почти ничего не говорил о том, зачем понадобилась свадьба.

— Я согласилась стать вашей женой. Изучение договорной магии не входило в число моих супружеских обязанностей.

— Разумеется.

— Мне угрожает опасность из-за нашего брака?

— Гражданский брак не связывает вас с короной, Элиана. Вам нечего опасаться. И я не собираюсь подвергать опасности вашу жизнь.

Он сказал это твердо, и, признаться, мне хотелось ему поверить. Однако рядом с нами лежала женщина, за чью жизнь этот человек тоже когда-то отвечал.

— Когда я узнаю условия магической коронации?

— Когда маги представят окончательный текст. Вы вправе отказаться от церемонии. Это записано в нашем договоре.

— Я не хочу больше получать украшения, связанные с чужими клятвами, прежде чем мне объяснят, что это за предметы.

— Я распоряжусь, чтобы все регалии осмотрела госпожа Ресс.

На обратном пути император предложил мне руку. Я приняла ее: ступени оказались неровными, а лампа плохо освещала лестницу.

— Мне жаль, что вам пришлось узнать обо всем на следующий день после свадьбы, — сказал он.

— А когда вы собирались мне рассказать?

— До коронации. Возможно, через несколько дней, когда у вас было бы время освоиться.

— Теперь, по крайней мере, у меня есть представление о том, где я осваиваюсь.

К императору подошел начальник стражи с донесением, и Ренар отправился к себе. Я попросила Матильду оставить ожерелье у меня. Она согласилась, предупредив, что его нельзя надевать и что при попытках установить связь с Селестой следует прекращать контакт при первых признаках недомогания. Мы с Агатой забрали шкатулку и вернулись в мои комнаты.

Ужин я почти не тронула. Попросила Нину убрать посуду, а Агату принести еще одну свечу и немного воды. Потом отпустила обеих женщин, заперла дверь и достала ожерелье.

Отец никогда не позволял мне работать с незнакомым магическим предметом, если я была расстроена или утомлена. В таком состоянии легко принять собственные страхи за чужие воспоминания. Я долго сидела над раскрытой шкатулкой, вспоминая его уроки, и только когда смогла спокойно сосредоточиться на ощущениях в пальцах, коснулась звена рядом с подвеской.

— Селеста Морвен, — произнесла я. — Если вы слышите меня, прошу вас ответить. Я не желаю вам зла.

Онемение вернулось не сразу. На этот раз я не пыталась усиливать связь и ждала, пока мне ответят.

— Вы все-таки надели его? — спросил женский голос.

— Вчера. Сегодня я только держу украшение. Вы Селеста?

— Да. Кто вы?

Я назвала себя.

— Вейр? — переспросила она.

— Дочь герцога Вейра. Вчера я вышла замуж за императора.

На несколько мгновений связь ослабла. Я испугалась, что потеряла ее, но затем женщина спросила:

— Он уже вас короновал?

— Нет.

— Значит, еще можно отступить.

Я с трудом удерживала ожерелье. Два пальца почти ничего не чувствовали.

— Я сегодня видела ваше тело. Мне сказали, что вы умерли три года назад. Это правда?

— Да. Я хорошо помню, как умерла. Только не знала, что прошло столько времени.

Я приготовилась задать вопрос о незавершенной клятве, но Селеста заговорила первой:

— Я не могу помешать ему снова жениться. Мне этого и не нужно. Но выслушайте меня, госпожа Вейр. Не соглашайтесь на коронацию, пока не выясните, что случилось в Вальдене. Спросите у Матильды. Она была со мной до самого конца.

— Мне сказали, что вы погибли, защищая крепость.

— Крепость защищал он.

Голос стал тише. Я попыталась перехватить цепочку другой рукой, но не успела. Ожерелье выскользнуло из моих пальцев и упало в шкатулку. Я растерла онемевшую кисть и налила воды. Судя по часам, наш разговор длился меньше двух минут.

Матильда была рядом с Селестой до самой ее смерти. Значит, мне предстояло вновь обратиться к целительнице, но сначала стоило выяснить, о чем говорилось в документах, составленных во время осады Вальдена. Я записала по памяти слова Селесты и убрала лист в папку с собственным экземпляром брачного договора.

Несколько дней назад я подписала его, полагая, что в точности знаю, на что согласилась. Теперь, прежде чем позволить императору возложить на меня корону, я намеревалась выяснить, что случилось с женщиной, которая носила ее до меня.

Глава 3. Почерк Селесты

На следующий день я попросила Агату принести столичные газеты за тот месяц, в котором погибла Селеста. Камеристка отправилась к дворцовому библиотекарю и вернулась с тремя подшивками, перевязанными выцветшими лентами.

— Здесь номера с первого по двадцать шестое число. Следующий номер вышел только через две недели: на время траура типография прекращала работу.

Я помнила, как пришивала черную шелковую полоску к отцовскому камзолу, а Лукас вместе с конюхом развешивал траурные ленты на воротах. Теперь, перечитывая те же газеты, я обращала внимание на совсем другие подробности.

Сведения об осаде Вальдена занимали всего два столбца. Вражеская армия отступила к перевалу, жители покинули крепость через южные ворота, несколько офицеров были представлены к наградам. Под военным сообщением стояло извещение о смерти императрицы. Из него следовало, что Селеста скончалась от последствий магического истощения вечером двадцать четвертого числа. Газета не сообщала, почему придворные маги не прекратили воздействие раньше. Под извещением стояла подпись Матильды Ресс. Я выписала дату смерти.

В приемной меня уже ждала госпожа Брант, председательница попечительского общества сиротских домов, с которой мы познакомились на свадьбе. Пока горничная помогала мне одеться, я успела отправить целительнице записку с просьбой предоставить заключение о смерти Селесты и журнал наблюдений за ее состоянием. Матильда ответила, что примет меня после полудня.

Госпожа Брант привела еще трех дам и предложила пересмотреть расходы общества. Выяснилось, что при одном из сиротских домов существовала мастерская, где старшие воспитанницы учились шить одежду и вести хозяйственные счета. Селеста оплачивала уроки счетоводства из собственного содержания, а после ее смерти расходы перенесли на общество. Теперь председательница хотела отказаться от этих уроков.

— Зачем девушкам счетоводство, государыня? Большинство из них выйдут замуж за ремесленников.

— Именно поэтому им и пригодится умение считать. У ремесленников, насколько я знаю, деньги водятся не сами по себе.

Одна из дам, вдова суконного торговца, прикрыла рот чашкой. Я предложила посетить мастерскую и поговорить с преподавательницей, прежде чем что-либо менять. Госпожа Брант записала мое распоряжение, сделав вид, что оно полностью совпадало с ее намерениями. Когда посетительницы ушли, Агата подошла убрать чайную посуду.

— Госпожа Брант часто спорила с Селестой из-за этого? — спросила я.

— Раз в полгода. Как только приходило время утверждать расходы.

— И как они уживались?

— Ее величество научилась назначать заседания на утро. В полдень госпоже Брант непременно нужно было отправляться к портнихе, и она уже не так долго возражала.

Я рассмеялась. До сих пор мне редко удавалось услышать о Селесте что-нибудь, не связанное с ее гибелью.

— Агата, а можно мне взять какую-нибудь книгу из ее комнат? Ту, которая лежит возле окна. Если, конечно, вы не возражаете.

— Возьмите, государыня. Там история западных провинций. Издание с картами. Только корешок совсем разболтался, не открывайте слишком широко.

В западном крыле стражник уже пропускал меня без вопросов. Агата принесла книгу из гостиной и показала, как придерживать переплет.

На полях было множество пометок. Селеста писала мелко, наклоняя буквы вправо, иногда так близко к краю страницы, что последние слова приходилось разбирать под лампой. Возле описания старинного обычая, согласно которому замужняя женщина не могла распоряжаться доходами от наследственной земли, я нашла замечание: «Автор хвалит закон, принятый его собственным прадедом. У прадеда, судя по всему, была весьма состоятельная жена».

На соседней полке стояли нотные тетради. Агата показала мне одну из них. Между рядами нот попадались поправки, а в одном месте Селеста перечеркнула несколько тактов и написала: «Так играть удобно лишь человеку с шестью пальцами». Я улыбнулась. Мать научила меня играть на клавесине, и мне до сих пор нравилось разбирать незнакомые мелодии, хотя в последние годы редко оставалось на это время.

Я забрала книгу с собой. Чем больше узнавала о Селесте, тем яснее понимала, что ей было бы неприятно видеть собственные комнаты в таком состоянии. Живого человека, читавшего книги с карандашом в руке, споривщего с попечительницами и поправлявшего ноты, превратили в портрет, возле которого три года боялись переставить стул.

После полудня я пришла к Матильде. Она принимала дворцовых служащих, и мне пришлось подождать, пока лакею с воспаленным пальцем наложат повязку. На столе целительницы уже лежал подготовленный для меня лист бумаги.

— Ваше величество, это копия заключения, переданного во время траура в императорскую канцелярию. Ее я могу вам предоставить. Журнал наблюдений хранится отдельно, вместе с другими медицинскими записями о членах правящей семьи.

— Вы можете его достать?

Матильда сняла очки, сложила дужки и положила их возле листа.

— Я не вправе передавать этот журнал без особого распоряжения государя. Таковы правила, действующие в отношении здоровья императорской семьи.

— Даже если человек, о котором идет речь, умер?

— Особенно если обстоятельства его смерти имеют отношение к государственной безопасности.

Я прочла заключение. Оно было немного подробнее газетного извещения: нарушение сердечной деятельности, обширное магическое истощение, безуспешное применение укрепляющих средств. Ни одного слова о причине, по которой эти средства не помогли.

— Селеста просила меня поговорить с вами, — сказала я.

Матильда подняла голову.

— Вы снова слышали ее?

— Вчера вечером. Она велела выяснить, что случилось в Вальдене, прежде чем я соглашусь на коронацию. Сказала, что вы были рядом с ней до конца.

Целительница потянулась за очками, но так и не надела их.

— Да, я была рядом.

— Она понимала, что происходит?

— Почти до последнего. Ее величество прекрасно разбиралась в собственных ощущениях. Нам, лекарям, с такими пациентами работать легче.

— Тогда почему она умерла? Вы ведь знали, чем опасно чрезмерное истощение.

Матильда посмотрела на закрытую дверь, за которой ее помощник готовил лекарства.

— Во время осады мы имели дело с необычайно сильным воздействием. Некоторые из средств, которыми мы обычно пользуемся, в тех условиях не действовали.

— Значит, вы не могли ей помочь?

— Я не сказала этого, государыня.

Она прижала ладонью лежавшее передо мной заключение.

— Пожалуйста, пока не соглашайтесь на магическую коронацию. Сначала потребуйте, чтобы вам объяснили условия обряда. Все условия, в том числе медицинские последствия. Это разумная мера предосторожности для любого человека, вступающего в магический союз.

Я забрала заключение. Угрожать целительнице не имело смысла: мне еще предстояло с ней работать. Но уходила я гораздо более встревоженной, чем пришла.

— Если я получу разрешение императора, вы покажете мне журнал?

— Конечно.

Вечером я вновь открыла книгу Селесты и нашла очередную пометку на странице о присоединении западных земель к Эрвену. Селеста оспаривала точность перевода древней надписи на печати одного из провинциальных правителей. Возле ее рассуждений другим почерком было приписано: «Следует сравнить с подлинником. В здешних собраниях не встречал».

Я узнала широкую, почти плоскую букву «д» и характерный росчерк в конце последнего слова. Отец точно так же писал замечания на моих школьных упражнениях. Когда мы с Лукасом учились читать старинные договоры, он не позволял нам доверять даже самым авторитетным историкам, если те не ссылались на подлинные документы.

По одной короткой записи трудно было с уверенностью определить автора. Вполне возможно, Селеста когда-нибудь попросила отца объяснить содержание древней надписи. Я собиралась поискать другие записи, когда в гостиную вошел Ренар. Он держал запечатанный конверт.

— Письмо из тюрьмы. Мне передали его, когда я возвращался к себе. Надеюсь, я правильно поступил, что принес его сам?

Я вскрыла конверт. Лукаса перевели в комнату на втором этаже тюрьмы. У него появились одеяло, письменные принадлежности и возможность гулять во дворе. Утром состоялся первый допрос. В конце письма брат спрашивал, не заставляют ли меня во дворце завтракать устрицами, потому что в таком случае он готов благородно поменяться со мной местами. Я засмеялась. Ренар, устроившийся в кресле напротив, посмотрел на меня с любопытством.

— Хорошие новости?

— Пока да. Брат справляется со своими неприятностями лучше, когда у него есть возможность язвить.

— Семейная черта?

— Государь, я сделаю вид, что не поняла намека.

Он улыбнулся. Я показала ему запись на полях книги Селесты и спросила, встречалась ли она с моим отцом.

— Вполне возможно. У них были общие интересы. В те годы я часто уезжал из столицы, а Селеста принимала чиновников и ученых, когда ей требовались сведения для работы.

Принесли чай. Император налил мне чашку, вспомнив, сколько сахара я положила в чай за вчерашним обедом. Себе он выбрал из поданных к столу булочек ту, на которой было больше мака. Когда слуга оставил нас одних, я спросила о том, что не давало мне покоя.

— Сегодня я была у Матильды. Она предоставила мне заключение о смерти Селесты, но сказала, что остальные записи может показать только с вашего разрешения.

Ренар поставил чашку на блюдце.

— В журнале наблюдений есть сведения о состоянии защитной сети в день осады. Часть этих сведений до сих пор закрыта.

— Мне нужны не военные тайны. Я хочу разобраться, как магическая клятва повлияла на здоровье вашей супруги.

— Понимаю. Я выясню, какие материалы можно передать вам без ущерба для безопасности границ.

— Селеста просила меня узнать об осаде.

Он некоторое время молчал.

— Она вспоминала тот день?

— Она посоветовала спросить у госпожи Ресс.

Ренар откинулся в кресле. Мне показалось, что он хотел задать еще один вопрос, но передумал.

— Если вам нужно изучить историю магических клятв, я могу предоставить доступ в Северный архив. Там хранятся договоры, отчеты о работе короны и старые трактаты. Что касается медицинских записей, дайте мне несколько дней.

Я согласилась. Изучение подлинных договоров представлялось мне не менее важным, чем знакомство с последними часами жизни Селесты. Правда, я не могла отделаться от ощущения, что мне опять предложили подождать именно тогда, когда я задала самый неприятный вопрос.

Перед сном я написала Одетте Морвен и пригласила ее посетить дворец. Обещать возвращение тела ее дочери я не могла, но мне хотелось поговорить с ней без музыки, поздравлений и сотни любопытных свидетелей.

Одетта приехала на следующий день после обеда. Стояла ясная осенняя погода, и Агата посоветовала нам прогуляться в саду. В его западной части росли старые груши с бледными стволами. Одетта остановилась возле дерева с двумя расходившимися стволами.

— Селеста любила сидеть здесь. В первое время после свадьбы она еще не привыкла к тому, что за ней всюду ходят люди. В саду можно было оставить камеристку у дорожки и почитать в одиночестве.

Я предложила ей сесть на скамью, куда падало солнце.

— Госпожа Морвен, я видела Селесту.

Одетта повернулась ко мне. У нее были такие же тонкие брови, как у дочери на портрете, только кожа вокруг глаз покрылась мелкими морщинами.

— Вам показали тело?

— Да. Оно находится в подземной усыпальнице, на магическом камне.

— Она сохранилась?

Я кивнула.

— Госпожа Ресс объяснила мне, что погребение до завершения магической клятвы станет опасным для жизни императора.

— Мне сообщили об этом через два месяца после смерти дочери. Я уже успела подготовить для нее место в нашей усыпальнице, рядом с отцом.

— Вам разрешают ее видеть?

— На следующий день после смерти разрешили. Потом все переменилось. Каждый год прошу о встрече. Каждый год получаю отказ.

Она достала из сумочки сложенный листок с гербом Морвенов. В письме Селеста сообщала, что хочет провести у матери хотя бы месяц, но пока не может назвать день приезда, поскольку ждет ответа от императорского совета.

— Что она собиралась обсуждать с советом? — спросила я.

— Не сказала. В предыдущем письме жаловалась, что Ренар не желает пересматривать условия их магического союза. Я посоветовала ей поговорить с ним без советников. Теперь мне жаль, что я дала такой совет. Наверняка она пыталась сделать это и без моей помощи.

Одетта сложила лист.

— В первые годы они были счастливы. Трудно это признавать теперь, однако лгать незачем. Ренар приезжал к нам еще до свадьбы. Селеста кормила его жареными яблоками, которые сама умудрялась пережарить, а он уверял, что так и надо. Мой муж считал его холодным человеком. Я думала, что Ренар просто слишком рано потерял родителей и не привык жить в доме, где за столом можно говорить о пустяках.

— Вы хотите, чтобы я помогла вам добиться разрешения на посещение усыпальницы? — спросила я.

— Если это возможно. Я не знаю, сколько еще проживу. Три года ожидания в моем возрасте — довольно ощутимая часть оставшегося времени.

— Я поговорю с Ренаром. Обещать больше пока не могу.

— Этого достаточно, государыня.

Перед отъездом Одетта попросила Агату прислать ей ноты, которые когда-то дала дочери. Я проводила гостью до лестницы и снова вышла в сад. Возле клумбы я увидела старого серого пса. Он позволил почесать себя за ухом и тут же уселся мне на ногу.

— Барон, у вас весьма своеобразное представление о хороших манерах.

— Он прекрасно знает, как следует вести себя с императрицами. С одной уже прожил достаточно долго.

Ренар шел по дорожке от галереи, держа длинный поводок. Он пристегнул его, но собака не проявила желания двигаться.

— Хотите прогуляться? — предложил император. — Без него мы далеко не уйдем, но до оранжереи, думаю, доберемся.

По дороге он спросил о встрече с Одеттой. Я рассказала о ее просьбе.

— После посещения усыпальницы ей станет хуже, — возразил Ренар. — Она потребует вернуть тело, а я все равно не смогу этого сделать.

— Может быть, ей станет хуже. Только решать это следует самой Одетте. Она ведь знает, что дочь умерла.

Император терпеливо дождался, пока Барон обнюхает куст.

— Первое время Матильда не знала, насколько устойчив погребальный контур. Я ограничил доступ, потом привык считать это необходимостью.

— А теперь Одетта могла бы прийти туда вместе с целительницей?

— Думаю, да. Я спрошу Матильду. Если она не возражает, устроим посещение.

— Спасибо.

— Вы напрасно благодарите меня за дело, которое следовало решить гораздо раньше.

У оранжереи мы пропустили двух садовников с огромной кадкой. Один из них задел веткой императорский рукав и так растерялся, увидев, кого едва не ударил, что чуть не выпустил кадку. Ренар подхватил ее снизу и помог донести до двери.

— Селеста часто гуляла здесь? — спросила я, когда император вернулся.

— Да. Иногда мы обсуждали в саду предстоящие заседания. Она прекрасно знала, кто из советников с кем поссорился и из-за чего. Я до сих пор порой ловлю себя на том, что хотел бы спросить ее совета.

— Вы часто с ней советовались?

— В первое время охотно. Позже стал прислушиваться к ней реже.

— Почему?

Он посмотрел на сухие листья под ногами.

— У нас накопилось слишком много разногласий. Селеста хотела реже участвовать в работе защитной сети, больше времени проводить за пределами столицы. Я убеждал ее, что положение на границах не позволяет изменить порядок управления магией. Мне казалось, что спустя год или два мы сумеем обойтись меньшими усилиями. Но год проходил, появлялись новые проблемы, и разговор повторялся.

— Она просила вас изменить условия клятвы?

— Да. Мы спорили об этом.

— И чья воля в конце концов решала исход спора?

Ренар остановился. Барон воспользовался этим, чтобы снова лечь прямо на дорожку.

— Моя, — ответил император.

Я задумалась, сколько раз Селеста ходила по этим дорожкам, обдумывая разговор с мужем, и сколько раз после таких разговоров возвращалась к прежним обязанностям.

— Жалеете, что не послушали ее?

— Теперь я бы многое сделал иначе.

Я ждала объяснений, однако Ренар подозвал Барона и продолжил прогулку.

На обратном пути похолодало. Ренар заметил, что я прячу руки под плащом, и предложил вернуться во дворец через ближайшую галерею. Там нас встретил паж с известием, что канцлер уже ждет в кабинете.

— До ужина я занят, — сказал Ренар. — Но если захотите, вечером покажу вам библиотеку в центральном крыле. В ней есть клавесин. Агата упоминала, что вы интересуетесь нотами Селесты.

— Мне давно не приходилось играть. Боюсь, придворные музыканты будут возмущены.

— После того, как я попытался научиться игре на флейте, их уже трудно чем-либо возмутить.

Я рассмеялась и согласилась. Вечером он действительно показал мне библиотеку и инструмент с расписной крышкой. Я сыграла короткую пьесу, которую когда-то выучила вместе с матерью, а потом мы немного поговорили о наших семьях. Ренар не пытался превратить этот вечер в продолжение разговора о Селесте. Перед уходом сообщил, что Матильда согласилась принять Одетту утром и что для меня готовят разрешение на посещение Северного архива.

На следующий день Одетта приехала рано. Она попросила проводить ее до рабочей комнаты Матильды, а дальше хотела идти сама. Мы с Агатой ждали ее почти час. Когда Одетта вернулась, она выпила воды и сказала, что Селесте не идет прическа, которую ей сделали после смерти.

— Она терпеть не могла одну тугую косу. Говорила, что от нее болит шея. Просила меня заплетать две, даже когда выросла.

Агата отошла к окну, вытирая глаза кончиком платка.

— Благодарю вас, Элиана, — сказала Одетта. — Мне хватило бы и пяти минут, если бы пришлось довольствоваться ими. Но госпожа Ресс не торопила меня. Передайте государю, что я это ценю.

После ее отъезда я спросила Матильду, могу ли снова попытаться установить связь с Селестой. Со времени последнего разговора прошло три дня, руки больше не болели. Целительница осмотрела мои пальцы и напомнила, что я должна прекратить контакт, как только онемение достигнет запястья.

В своих комнатах я подготовила стол, поставила рядом воду и развернула книгу Селесты на странице с предполагаемой отцовской записью. Только после этого достала ожерелье.

— Селеста, вы слышите меня?

— Да, госпожа Вейр. Что случилось?

— Сегодня к вам приходила мать. Ей позволили побыть возле вас.

— Я слышала ее голос, но не была уверена, что это не воспоминание. Как она выглядит?

Я рассказала об Одетте, прогулке в саду и о ее беспокойстве из-за прически дочери. Селеста тихонько рассмеялась.

— Мама всегда была недовольна тем, как меня причесывали во дворце. Даже на свадьбе умудрилась поправить мне волосы. Мне бы хотелось с ней поговорить. Но не так, как мы сейчас разговариваем с вами. Не хочу, чтобы она снова ждала моего возвращения.

— Вы были у Матильды? — спросила она после короткой паузы.

— Да. Она показала заключение о вашей смерти, но остальные записи без разрешения императора выдавать не стала.

— Селеста, почему вы сами не хотите рассказать мне, что там произошло?

— В тот день я лежала, почти ничего не видела и плохо слышала. Матильда стояла рядом, когда мне уже было трудно говорить. Мне хочется, чтобы вы узнали, что записала она. Ее записи делались для того, чтобы меня лечить, а не для того, чтобы объяснять мою смерть.

— Вы боялись умереть?

— Очень.

От этих двух слов мне стало холодно.

— Однажды я попробую показать вам тот день, — добавила она. — Сейчас не могу. Простите.

Я взглянула на собственную руку. Пока онемение ограничивалось кончиками пальцев, и у нас оставалось немного времени.

— Я нашла вашу книгу об истории западных провинций. В ней есть запись, которую, как мне кажется, сделал мой отец. Вы помните герцога Вейра?

— Разумеется. Мы встречались с ним несколько раз. Он жив?

— Он умер год назад.

— Мне жаль. Он был добрым человеком. Упрямым, но я это в нем ценила.

— Что вам нужно было от него?

Селеста спросила, способен ли мой дар воспринимать воспоминания умерших. Отец учил меня этому, хотя до сих пор мне не доводилось применять его уроки. Требовалось, чтобы душа сама удерживала в памяти определенное событие, а проводник следовал за тем, что она позволяла ему увидеть.

— Попробуем? — предложила она. — Это проще объяснить человеку, который знал вашего отца.

Я согласилась и взяла ожерелье в ладонь. Сначала ничего не произошло. Потом мне почудился запах нагретой солнцем кожи книжного переплета, а перед глазами возникло светлое окно. Я смотрела на него, не понимая, где находится стол, за которым только что сидела. Отец предупреждал, что при восприятии чужого воспоминания не следует пытаться двигаться внутри него или искать того, чего умерший сам не заметил.

Я не сопротивлялась незнакомому ощущению. Передо мной постепенно проступила гостиная в западном крыле. Возле окна стояли те же стулья и небольшой столик, только шторы были открыты, а на подоконнике помещался горшок с розмарином. На краю стола лежала раскрытая книга. За ней сидел отец.

Увидеть его живым, с привычно расстегнутой верхней пуговицей жилета и темными волосами, среди которых еще почти не было седых, оказалось неожиданно больно. Я знала, что передо мной всего лишь чужое воспоминание. И все равно едва не позвала его. Отец взял перо и зачеркнул несколько слов на отдельном листе. Когда он заговорил, я едва не ответила ему по привычке.

— Государыня, я не советую начинать с обращения в совет. Там вам ответят ссылкой на действующее положение о чрезвычайных обстоятельствах. Необходимо сперва установить, имел ли право прежний государь вносить это изменение в условия самой клятвы.

— Но я приносила ее на тех условиях, которые существуют сейчас, — ответила Селеста. Я слышала ее голос совсем рядом. — Мне объяснили, что император воспользуется моими силами без отдельного согласия лишь в исключительном случае. Теперь любой серьезный повод считается исключительным случаем.

— Вот поэтому нам и нужен первоначальный договор. Законы меняют довольно часто. С магическими обязательствами дело обстоит иначе.

— Вы можете выяснить, где он хранится?

— В Северном архиве должна быть опись первых императорских союзов. Начнем с нее. Если сохранились подлинные тексты, изучим их и посмотрим, что можно сделать. Не обещаю, что результат понравится государю.

Селеста засмеялась.

— Мой муж не любит, когда ему указывают на недостатки законов его предков. А уж если дело касается его собственных полномочий...

Отец улыбнулся в ответ. Потом спросил, как часто она испытывает недомогание после работы с короной. Дальнейший разговор я уже не услышала. Изображение расплылось, и я вновь оказалась за столом в собственных комнатах.

Ожерелье лежало на ладони. Я поспешно убрала его, поскольку онемение распространилось до запястья. Некоторое время мне пришлось просто сидеть, стараясь восстановить дыхание. Больше всего хотелось снова прикоснуться к подвеске, увидеть отца, рассмотреть его лицо, услышать еще несколько фраз. Я с трудом удержалась от желания снова прикоснуться к камню.

Минут через десять пальцы начали понемногу согреваться. Я заперла ожерелье в шкатулке и достала папку с брачным договором, в которой хранила свои записи.

Отец никогда не рассказывал нам о работе с Селестой. После ее смерти он еще около года служил при дворе. Затем его вызвали в Тальмир, а через несколько дней он вернулся с двумя чиновниками. Они провели у нас почти неделю, составляя опись книг и бумаг.

Тогда я считала причиной этих событий дело о нарушениях при проверке провинциальных расходов. Так говорилось в распоряжении об отстранении отца. Сам он утверждал, что произошла ошибка и что со временем ему удастся ее исправить. Вместо этого последовала конфискация части владений и значительной доли семейного архива.

Я помнила, как отец стоял у окна библиотеки, пока чиновники выносили ящики с бумагами, и просил меня не вмешиваться. До сегодняшнего дня я не связывала опалу нашей семьи со смертью Селесты. Теперь выяснилось, что задолго до нее отец пытался помочь первой императрице ограничить власть мужа.

Я взяла чистый лист и записала название описи, о которой он говорил в воспоминании Селесты. Завтра мне предстояло воспользоваться разрешением Ренара на посещение Северного архива. Если первоначальный договор сохранился, я намеревалась его найти.

Прежде чем убрать записи, я еще раз перечитала письмо Лукаса. Мой брат оказался в тюрьме за попытку разобраться в расходах на защиту империи. Отец потерял должность после того, как начал изучать условия, на которых эта защита держалась. А Селеста, которой он пытался помочь, уже три года ждала погребения под императорским дворцом.

Я пока не могла доказать, что между этими событиями существовала связь. Но впервые за два года у меня появилась возможность выяснить, за что на самом деле поплатилась моя семья.

Глава 4. Семь башен

Разрешение на посещение Северного архива мне принесли к завтраку. Вместе с ним доставили небольшой кожаный футляр, в котором лежала печать с моим новым гербом. Золотой сокол Арденов соседствовал на ней с тремя серебряными ветвями Вейров. Печать позволяла мне утверждать счета своего хозяйства и официально запрашивать документы.

Мне захотелось показать печать Лукасу. В детстве брат вырезал такую из корня репы и едва не погубил отцовскую чернильницу, заверяя долговую расписку на два десятка сливовых пирогов. Я убрала футляр в сумку, захватила свои записи и отправилась в архив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.